

Е. Е. Приказчикова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

«Богородица царевна киргиз-кайсацкие орды» и ее муз: к истории создания одного мифа

Кто не знает знаменитого анекдота о Г. Державине, Екатерине II и бриллиантовой табакерке, полученной поэтом «Из Оренбурга от киргиз-кайсацкой царевны Фелицы». В этой истории обращает на себя внимание не только то, что Екатерина II так высоко, по меркам своего времени, оценила оду Державина, но и то, с какой легкостью она подключилась к предложенной поэтом «игре» в «богородицу царевну», актуализировав тем самым на высочайшем уровне «восточный текст» русской литературы.

Формирование «восточного текста» (термин П. В. Алексеева) во многом было связано с философией эпохи Просвещения, с жанром так называемой «восточной повести», хотя образы Востока появлялись еще в эпоху древнерусской книжности (сарацины, индийцы, турки), преимущественно в жанре хождений. Восточная просветительская повесть чаще всего представляла философско-сатирический жанр, при помощи которого можно было популяризировать просветительские идеи, скрывая их по цензурным соображениям за фасадом восточного колорита и смотря на Запад глазами наивного «восточного» жителя. Особенно прославились в этом плане повести Вольтера («Принцесса вавилонская» (1768), «Задиг. Восточная повесть» (1747). В России одним из лучших образцов жанра стал «Золотой прут» М. Хераскова с сатирическим образом «идеального» шаха Багема — мастера точить деревянные ложки.

Помимо философско-сатирических повестей «восточный текст» XVIII в. включал в себя, по справедливому мнению В. Н. Кубачевой, повести морально-этические с религиозной

окраской и повести развлекательные, авантюрно-галантные, образец которых был задан «Тысячью и одной ночью», ставшей известной в России и Европе именно в век Просвещения (см.: [Кубачева, с. 299]). Героями этих сюжетов обычно были персы, турки, китайцы, индийцы.

В России символами восточной культуры часто становились совсем другие народности. Одними из них были киргизы или киргиз-кайсаки.

Считается, что научное объяснение термина «киргиз-кайсаки» было дано в XIX в. А.И. Левшиным во II томе «Описания киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей» (1832). Именно Левшин, которого впоследствии называли «Геродотом казахских степей», первым обратил внимание на то, что на протяжении всего XVIII в. киргиз-кайсаки носили чужое имя, поскольку настоящими киргизами был народ, известный не «своими связями с киргиз-кайсаками, но древнею против них враждою, и донные существующий под именем кара (черных) киргизов, закаменных киргизов и бурутов» [Левшин, с. 2]. Слово же «кайсак» или «касак», по мнению Левшина, есть не что иное как испорченное слово «казак».

Между тем уже в XVIII в. появление термина «киргиз-кайсак» было проанализировано П. С. Палласом, профессором натуральной истории и членом Императорской академии наук, который в 1768–1774 гг. возглавлял экспедицию Петербургской Академии наук на Южный Урал, прикаспийскую низменность и Южную Сибирь.

Так как все экспедиции совершались по желанию и по прямому приказу Екатерины II, нет сомнения, что выпущенную по ее результатам книгу «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (в 3 частях) императрица внимательно просматривала. Безусловно, это касалось и информации о киргиз-кайсаках, происхождение которых у Палласа по традиции своего времени не было лишено поэтичности и «баснословности». По мнению Палласа, термин «киргис-хазаки» произошел в эпоху, последовавшую за изгнанием их из Турции после того, как киргизский хан Языд-хан попытался овладеть турецким престолом. После этого киргизы пошли на службу к киргизскому хану, который стал употреблять их в военную службу. Когда же киргизы ушли от киргизов и поселились в нынешних

степях, они все же сохранили имя кергис-хазак, которое значит кергис-ханского военнослужащего (см.: [Паллас, с. 567–568]).

Еще одним текстом XVIII в., посвященным киргиз-кайсакам, был журнал капитана Н. П. Рычкова «Дневные записки путешествия в киргис-кайсацкой степи, 1771», который он вел, находясь в отряде, посланном в киргизскую степь для преследования бежавших из России в 1771 г. калмыков.

В целом приведенная в книгах Н. П. Рычкова и П. С. Палласа информация была достаточно нелестной для киргиз-кайсаков. В особенности — характеристика, данная в книге Рычкова, который отмечает их хвастовство, почитаемое за «преимущество в воровстве» [Рычков, с. 19], природную их «склонность к воровству» [Там же, с. 26]. Разрушая характерный для XVIII в. миф о невежественных, но добрых дикарях, Рычков подчеркивает, что невежество киргиз-кайсаков не сочетается со справедливостью и добродушием, но, напротив, влечет за собой «корыстолюбие, лукавство, хищение и обман» [Там же, с. 31]. Паллас подчеркивает боязливость киргизцев, в силу чего они «толь мало склонны к кровопролитию, что лучше стараются взять кого-нибудь в плен, нежели лишить жизни» [Паллас, с. 580] — логика, понятная только в эпоху постоянных войн и пиндарической глорификации военных подвигов. Кроме того, он заостряет внимание на их склонности к чародейству, т. е., по терминологии XVIII в., на невежестве, выделяя 6 чинов чародеев (фалча, яурунчи, бакша, рамча...), и к жизни в «неограниченной вольности». В силу этой вольности хану «столько ... повинуются, сколько он может приобрести себе подчиненных своим богатством и подарками» [Там же, с. 279]. Упоминает Паллас наименования киргизской аристократии: бю, ходжа, мурза.

Такие характеристики киргиз-кайсаков вряд ли могли дать Екатерине II нужный материал для создания образа разумного киргизского хана и его мудрой дочери Фелицы, даже если допустить, что «восточный» материал по традиции XVIII столетия привлекался только лишь как аллегорически-иллюстративный. Можно предположить, что на создание образа киргизского хана повлиял человек, которого императрица хорошо знала.

В журнале Н. П. Рычкова в качестве основной версии происхождения киргизцев выступает вариант, согласно которому они являются выходцами из Крыма. Причиной же их вынужденного

переселения оттуда стала ссора, возникшая между сыновьями крымского хана Кундугура после его смерти. Когда сыновья старшей жены обидели при разделе наследства сыновей младшей жены, те удалились в степь и соединились с 33 подобными им изгнанниками. Шайка, состоящая из 40 человек, занималась грабежами; похитив себе женщин, они постепенно превратилась в народ. Число «сорок» по-турецки обозначается словом «кырк», а потому толпа наездников стала именовать себя кырк-казак, т. е. 40 казаков или наездников.

Екатерина II могла помнить это этнологическое предание Рычкова, когда в 1781 г. писала свою сказку о царевице Хлоре. К этому времени до полного присоединения Крыма к Российской империи оставалось еще два года. Однако последний крымский хан Шахин-Гирей вполне мог стать прототипом киргизского хана, похитившего юного Хлора. Шахин-Гирей современники называли «крымским Петром I». Хан потерял отца еще в детстве, а его мать-итальянка вывезла сына в Салонию, где дала ему европейское образование. Хан знал греческий, латинский, итальянский, французский, арабский и русский языки. Кроме того, он был неплохим поэтом: писал стихи по-турецки и по-русски. В 1771 г., когда хану было 28 лет, он с официальным визитом посетил Санкт-Петербург, и Екатерина II в письме к Вольтеру так характеризовала его: «Это, я думаю, самый любезный татарин, какого можно найти: он красив, умен, образован более, чем эти люди вообще бывают; пишет стихи; ему только 25 лет; он хочет все видеть и знать; все полюбили его» [Екатерина II, 2007, с. 328].

В сказке о царевице Хлоре киргизский хан не просто разумен, но хитроумен: он похищает Хлора, прикинувшись нищим, но когда Хлор приносит ему розу без шипов, т. е. обретает знание Добродетели в результате своего нравственного квеста, хан добровольно отпускает его на родину к отцу. Таким образом, пребывание Хлора у киргизцев — это этическая инициация, подготавливающая юного царевиича к должности идеального правителя своего народа. Спустя всего четыре года после сказки Екатерины II М. Херасков отправит своего князя Владимира, язычника, одержимого страстью к славе и женщинам, в религиозно-нравственное путешествие в Корсунь, в результате которого он станет Владимиром Возрожденным, идеальным

христианским правителем Руси, прошедшим сверх того школу масонской софиологии.

В сказке Хлор, которого похищает хан, «по дикой степи в кибитках кочующий» [Екатерина II, 1893, с. 101], знакомится с вполне реальными чертами быта киргиз-кайсацкой аристократии. Например, похищенного царевича помещают в богато украшенной кибитке, устланной «китайскою красной камкою и персидскими коврами» [Там же, с. 102]. Киргизский старшина, видя, что не может унять слезы царевича подарками, начинает стращать Хлора «небывальщиной» в духе описанных Палласом киргизских чародейств, чем вызывает смех разумного и небоязливого ребенка над таковыми нелепостями. Почему же Екатерина II не придала воображаемой земле киргизцев черт крымского ландшафта, что было бы более эстетично и более достоверно в плане реальных крымских гор, где могла бы цвести «роза без шипов»?

Императрица не хотела, чтобы ее сказка проецировалась на историю настоящих набегов крымских ханов на Русь, память о которых была еще очень свежа. Известно, что последний большой поход крымской армии хана Керим-Герая на русские земли произошел в 1769 г., через два года после путешествия императрицы по Волге (от Твери до Симбирска) и за два года до прибытия последнего крымского хана в Петербург. В таких условиях похищение русского царевича крымским ханом было бы очень болезненным напоминанием, тем более, что Крымское ханство еще продолжало существовать как независимое государство.

Другое дело киргиз-кайсаки. К моменту написания сказки императрица усилила военное и культурно-идеологическое давление на них через исламизацию региона казанскими татарами. Это было естественной реакцией на поддержку киргиз-кайсаками Младшего и Среднего жуза Пугачевского восстания. С другой стороны, киргиз-кайсаки, в отличие от тех же крымских татар или башкирцев, «коварных и мстительных от природы» [Рычков, с. 20], обладающих «природным зверством» [Неплюев, с. 89], никогда не воспринимались властью как серьезные противники, способные причинить значительный урон стране и населяющим ее людям. Хотя страх перед киргизцами, их набегами и грабежами купеческих караванов, неизменно присутствует и в мемуарных источниках эпохи («Записки»

И. И. Неплюева), и в историко-географических сочинениях (Н. П. Рычков или П. С. Паллас). Уже в XXI в. В. Голованов в статье «Три опыта прочтения “Фелицы”» подробно рассмотрел все сложности восточной политики России по отношению к киргиз-кайсакам, начиная с неоднократной присяги на верность Российской хана Младшего жуза Абул-хаира (см.: [Голованов]). В XVIII в. историю ханств Абул-хаира подробно описал П. И. Рычков (отец Н. П. Рычкова) в «Истории Оренбургской» (1759).

В подобных условиях Екатерина II вполне могла выбрать в качестве положительного героя своей аллегорической сказки киргизскую ханшу Фелицу, чей образ хорошо вписывался в реалии «восточного текста» как его понимали в эпоху Просвещения, когда восточные реалии включали в себя пышное богатство, мудрость, хитрость, тайны, чародейство, деспотизм. Напомним, что именно как проявление деспотизма рассматривают мудрые советники хана само похищение им царевича Хлора. А уже Г. Р. Державин, сделав киргиз-кайсацкую царевну «богоподобной» и придав ей личные черты императрицы Екатерины II, положил начало «тексту Фелицы» в русской поэзии, куда кроме собственно «Фелицы» вошли «Видение мурзы», «Изображение Фелицы», «Благодарность Фелице».

Что касается образа мурзы, то он отсутствовал в сказке Екатерины II, хотя П. С. Паллас и называл мурз среди киргизских вельмож. Давно стало общим местом видеть в образе мурзы отголоски авторской мифологии поэта о своем предке — татарском мурзе Багриме, от имени которого в 1796 г. поэт желал здравия царевне Доброславе. Однако, создавая свой образ мурзы, Державин мог ориентироваться на текст «Явление мирзы», напечатанный в журнале «Ежемесячные сочинения» за 1757 г. В этом произведении, представляющем собой вариант морально-этической аллегорической повести, рассказчик, живущий в Египте, в городе Алкаире, находит рукопись «Явление мирзы», в которой действие происходит в Багдаде — традиционной столице европейского «восточного текста». Некий мирза, молясь на горе Багдадской и думая о ничтожестве человеческой жизни, удостоивается от Духа чести увидеть устройство человеческого бытия, представляющего собой мост, состоящий из 70 целых сводов и с десятков полуразрушенных, находящийся в море Вечности. Люди проходят по мосту, наступая на

невидимые подземные двери и падая в море. В конце концов, на мосту не остается никого: ни тех, кто шел по нему, смотря в небо (философы), ни тех, кто ловил блистающие водные пузыри (гедонисты). Эта неотвратимость смерти для всех приводит мирзу в отчаяние. Однако сопровождающий мирзу Дух показывает ему остров в океане, отделенный от остальной водной глади алмазной горой и предназначенный для праведников, которые наслаждаются на нем цветами, плодами и пением птиц. Но попасть на остров можно лишь через смертные двери. В финале Дух спрашивает мирзу: «Можно ли стать, чтобы ты ужасался смерти, посредством которой вступишь в такие благополучные места, в таковое блаженство?» [Явление мирзы, с. 352–353]. Безусловно, данный текст мог повлиять на пафос од Державина «На смерть князя Мещерского» и «Водопад» с его «алмазной горой», изображающей течение человеческой жизни. Можно предположить, что и в «Фелице» с ее намеренным персифлажем, шутливой иронией, нашел отражение один из важнейших образов «Явления мирзы»: образы мурз, ловящих «блестящие водные пузыри», Лентяг-Мурз екатерининской сказки, показанных на фоне добродетельной жизни идеальной Фелицы.

Вопрошая в оде, где же сияет трон Фелицы, и перечисляя традиционные топосы «восточной повести» — Багдад, Смирна, Кашмир, — поэт уходит от прямого ответа утопически-уклончиво: «Послушай, где ты ни живешь...» [Державин, с. 104]. Конечно, Фелица и ее сын Рассудок жили не в реальной киргизской степи, воинственный дух обитателей которой сам Державин хорошо узнал во время Пугачевского бунта, что нашло отражение в его записках. Но благодаря «богоподобной» царевне и ее мурзе «восточный текст» перестал ассоциироваться с далекими экзотическими странами, хотя Державин и назвал свое произведение переводом с арабского, он получил конкретную семантическую окраску киргиз-кайсацкой степи, полное господство над которой России еще надо было установить. Сам же Державин, по справедливому мнению В. Капниста, навечно стал «мурзой орды киргизской-крымской / каракалпакской золотой» [Капнист, с. 68]. Мифология же киргиз-кайсацкой орды неожиданно будет продолжена в 1914 г. Андреем Белым в романе «Петербург», где писатель возвел родословную своего героя Аполлона Аполлоновича Аблеухова к киргиз-кайсацкому

хану Аблаю, доблестно поступившему в эпоху императрицы Анны Иоанновны на русскую службу, получив прозвище Ухов, Аб-Лай Ухов — Аблеухов.

В 1925 г. киргиз-кайсаки официально стали вначале казаками, а затем, с 1936 г., — казахами. Тем самым подтвердилась справедливость мнения гвардейского капитана Генерального штаба Е.К. Мейендорфа, высказанного им в «Путешествии из Оренбурга в Бухару» (1823). Мейендорф отметил, что казаки-казахи «не называют себя киргизами, а именуют казаками, что означает “всадник” — по мнению одних, “воин” — по мнению других. Они утверждают, что киргизами их называют башкиры, но им неизвестно, откуда взялось это слово» [Мейендорф, с. 43]. Однако в историю русской литературы XVIII в. они вошли под именем киргиз-кайсаков, создав один из самых запоминающихся национальных поэтических образов российско-го самодержавия — образ Фелицы.

Список литературы

Алексеев П.В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Нац. иссл. Томск. гос. ун-т. Томск : [б. и.], 2015. 39 с.

Голованов В. Три опыта прочтения «Фелицы» // Дружба народов. 2006. № 4. С. 155–166.

Державин Г.Р. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1957. 469 с. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.).

Екатерина II. Полн. собр. соч. императрицы Екатерины II : т. I–II. Т. I. СПб. : Родина, 1893. 323 с. (Собр. романов, повестей и рассказов : ежемес. прил. к журн. «Родина»).

<Екатерина II>. Письма Екатерины II к Иоганне Доротее Бюлке // Екатерина II. Фасад и задворки империи. М. : Фонд Сергея Дубова, 2007. С. 291–362. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.).

Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей : ч. I–III. Ч. II : Исторические известия. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1832. 333 с.

Капнист В. Избр. произведения. Л. : Сов. писатель, Ленингр. отделение, 1973. 615 с. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.).

Кубачева В.Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века // XVIII век. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. Сб. 5. С. 295–315.

Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М. : Глав. редакция Вост. лит., 1975. 181 с.

Неплюев И.И. Жизнь Ивана Ивановича Неплюева (им самим писанная). М. : Тип. Грачева и Ко, 1870. 120 стб.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи : [в 3 ч. : в 5 кн.]. Ч. I. СПб. : Имп. Акад. наук, 1773. 786 с.

Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргис-кайсацкой степи, 1771 года. СПб. : Имп. Акад. наук, 1772. 104, [1] с.

[Б. п.]. Явление мирзы // Ежемесячные сочинения. 1757. Ч. V. С. 345–353.